

О. П. Плахтиенко

РОМАН ТОРГНИ ЛИНДГРЕНА «ПОХВАЛА ПРАВДЕ»

Торгни Линдгрэн — крупнейший шведский прозаик, с 1991 года член Шведской академии, автор произведений, отмеченных высшими наградами Швеции. В России известны его романы «Вирсавия» (1984) и «Шмелиный мед» (1995), вызвавшие отклик как в критике, так и у читательской аудитории. Роман «Похвала правде» (“Till sanningens lov”), изданный в нашей стране в 2007 году, к сожалению, остался почти незамеченным. Между тем, написанный еще в 1991 году, он одним из первых в западноевропейской литературе вступил в полемику с магистральной тогда постмодернистской идеологией и эстетикой. За прошедшие с тех пор двадцать лет актуальность и значение романа «Похвала правде» только возросли.

Шведские критики, характеризуя творчество Т. Линдгрена, говорят о его парадоксальности, сочетании внешней непритязательности и философичности, религиозной глубине. «Похвала правде», несмотря на внешнюю простоту, также не принадлежит к разряду легкой беллетристики. В подзаголовке роман представлен как «собственный отчет багетчика Теодора Марклунда», но незатейливое, порой почти по-детски простодушное повествование скромного молодого человека из маленького шведского городка постепенно поднимается до размышлений об основных проблемах эпистемологии: Что есть истина? И что мы можем знать о ней?

Все персонажи, все коллизии, идейные столкновения в романе Линдгрена связаны с оппозицией фальши и подлинности. Фальшь, стремящуюся полностью подчинить себе современный мир, в романе представляет в первую очередь массовая культура и ее оплот — большой город Стокгольм,

почти лишенный примет национальной жизни, «похожий на телепрограмму, состоящий только из стремительного движения, кричащих красок и взыскательных лиц»¹. Идеолог современной культуры в романе, он же мастер живописных подделок, живущий в окружении мнимых полотен Пикассо, Брака, Модильяни и многих других, видит свою цель в том, чтобы «разоблачить общепринятую, буржуазно-банальную подлинность и одновременно настолько возвысить и облагородить так называемую фальшь, чтобы обнаружилась доселе неведомая редкостная свобода, состояние индифферентности и относительности...» Он убежден, что, «когда мы изгладим и сотрем все различия между поддельным и неподдельным, тогда, когда будем существовать в полной неопределенности и сомнительности, мы сможем жить счастливо. Во веки веков»².

Главный герой, он же рассказчик в романе Линдгрена, — тридцатилетний багетчик Теодор Марклунд — своим образом жизни уже изначально противопоставлен подобной «религии счастья». Его скромная работа, тихая преданность творчеству старых мастеров высокого искусства и подлинным работам провинциальных художников-любителей — это неявное, но стойкое неприятие фальши. «Подделки, — говорит Теодор своему оппоненту, — вызывают у народа отвращение, как крысы или падаль»³, а в самом искусном фальсификаторе он обнаруживает сходство с Мефистофелем. Форму открытого сопротивления это неприятие приобретает с появлением в его жизни «Мадонны с кинжалом» — картины, случайно обнаруженной им на аукционе в маленьком городке, в которой потрясенный Теодор узнает работу известного шведского художника Нильса Дарделя (1888–1943).

Известен целый ряд произведений, уже ставших хрестоматийными образцами постмодернистских текстов, в которых сюжетным стержнем является живописное полотно. В романах Питера Акройда «Чаттертон» (1987), Джулиана Барнса «История мира в 10 ½ главах» (глава «Кораблекрушение») (1989), Артуро Переса-Реверти «Фламандская доска» (1990) история реальной или вымышленной картины служила доказательством многослойности, иллюзорности значений произведений искусства, а сама картина выступала метафорой постмодернистского состояния мира, пораженного энтропией и стремящегося к пустоте. В «Похвале правде» Линдгрена «Мадонна с кинжалом» несет противоположное значение и выполняет в жизни главных героев конструктивную, синтезирующую роль.

«Мадонна» становится смысловым центром романа. Для Теодора она словно «зажженный камин», в критический момент она для него «как мать». Но главный традиционный смысл ее образа очевиден, и рассказ-

чик откликается на него бессознательным движением: после приобретения картины на аукционе по дороге домой он неожиданно для себя поет старинный псалом, которому в незапамятные времена его научил дед:

Язвы терний, а не розы
Ранят голову твою,
Чистый жемчуг, а не слезы
Очи с мукой изольют.
Но взгляни получше в сей
Мир страданий и скорбей:
Ты победу одержала
Свет небес себе стяжала⁴.

В романе Линдгрена небольшое полотно в прямом значении слова расширяется, оно раскрывает новый масштаб, а вместе с ним рождается и созревает для экзистенциальных проблем и экзистенциального выбора главный герой. Он сразу видит, что «Мадонна» *«невероятно уплотнена и сжата, ну вроде как алмаз»*⁵. Потом замечает стык в ребре рамы и обнаруживает триптих размером 80×150 см со сложной композицией, в центре которой — красавица с совершенно чистым взором, закутанная в рубиново-красное покрывало, сжимающая в правой руке кинжал, на фоне панорамы города, состоящей большей частью из церквей. *«Из левой руки Мадонны, той, что скрывалась за рамой, свисал крест с изображением Христа, но это был не привычный распятый Христос, а младенец, который на всех других полотнах покоится у груди Богоматери... и заканчивался он (крест. — О. П.) якорем. Левая створка оказалась до предела возможного заполнена зрителями, все они глаз не сводили с Мадонны, и многие были легко узнаваемы: собратья Дарделя по искусству... И на левой створке стояла подпись. Нильс де Дардель, 1919 г.»*⁶

В романе Линдгрена нет комментариев к этой подробно описанной картине, и сознательный отказ от них выявляет метаповествовательный авторский план (ср.: *«Я знаю, что хотел сказать Дардель. Это бросилось мне в глаза сразу же, именно на это я и смотрел в ту первую ночь. Но говорить я об этом не стану»*⁷), — признается литературный герой. *«На самом деле в моих романах много философии и теологии, но я стараюсь завуалировать их в каком-нибудь пейзаже»*, — говорит Линдгрэн в одном из интервью⁸). Смысл, выражаемый «Мадонной», проявляется в том, как изменяется главный герой.

Тереза Энгстрём считает важнейшей в романе «Похвала правде» антидетерминистскую идею, связанную с религиозным выбором писателя (в 80-е Линдгрена принял католицизм). До появления в его жизни «Мадонны» Теодор Марклунд живет по заповедям Ветхого Завета: отказывается от своего призвания — изучения искусства, послушно продолжая дело предков в багетной мастерской. «Мадонна» вырывает его из череды однообразных дней, в которых все предопределено⁹. Она становится его судьбой, которую Теодор выбирает сам. Потратив все накопленные предками деньги на приобретение полотна, выставляя его в окне своей мастерской так, чтобы видеть «Мадонну» могли все (ибо ею нельзя владеть одному), молодой человек оказывается вовлеченным в череду перипетий, в числе которых:

— предложения продать «Мадонну» за все более фантастические суммы;

— претензии на нее со стороны сына женщины, когда-то послужившей моделью художнику;

— обвинение в сокрытии доходов и «арест» картины налоговым ведомством;

— наконец, похищение ее копии, во время которого Теодор лишается правой руки.

Принимая поначалу со смирением все неприятности, даже признавая себя и своих предков виновными в них, он в конце концов пробуждается к действию, а по сути — к спасению. Теодор становится защитником правды в мире, лежащем во лжи. Тереза Энгстрём видит в образе Марклунда прозрачные намеки на автобиографическое начало: это и внешность героя, и его связь с Родиной писателя — северной провинцией Вестерботтен, и потребность пробудившейся свободной воли выразить себя в письме¹⁰. Необходимость заново овладеть навыком письма левой рукой — деталь, выразительно указывающая на рождение героя к *новой жизни*. Рассказывая о происшедших с ним событиях (характерная для зрелого творчества Линдгрена традиция устного рассказа сохраняется в «Похвале правды», повествование героя здесь близко устной речи), Теодор не просто проходит путь самопознания, в сущности, он становится личностью именно в процессе письма, благодаря письму. Весомость и могущество слова — одна из магистральных тем творчества Линдгрена. О силе слова — цикл его рассказов «Красавица Мераб» и эпитафия к нему: *«В словах, которые человек использует, говоря о самом важном, он реализует свое Я, обнаруживает его... Слова решения, признания, обета, любви или ненависти, ложь, свидетельство истины — вот экзистенциальный язык, в котором человек становится самим собою, раскрывается как личность... Герман Крингс»*¹¹.

Записывая свою историю, герой «Похвалы правде» раскрывается как блестящий знаток живописи, классической музыки, философии. Он совсем не так простодушен, как кажется окружающим, но до появления «Мадонны» он лишь созерцатель, хранитель высокого искусства для себя. В финале Теодор приобретает черты настоящего авантюриста-пикаро: наказывает всех, кто пытался использовать или обмануть его тем же способом, которым пользуется современный фальшивый мир. Продав еще хранящуюся в налоговом ведомстве «Мадонну» шести претендентам и изменив внешность, Теодор бежит вместе с любимой от мира, где все — и искусство, и любовь, и смерть — превратились в подделку, в спектакль. С неожиданной метаморфозой героя перекликается и авторская стратегия. «Правдивый» отчет багетчика Теодора Марклунда о найденной картине Дарделя, о которой не раз говорится, что теперь она известна всем, также обманывает доверчивого читателя: Нильс Дардель не создавал подобного полотна. Оппозиция правды и фальши в романе, таким образом, утрачивает однозначный смысл, и может показаться, что герой вместе с автором сами подрывают веру в существование подлинности. Боб Корбетт в своих комментариях к «Похвале правды» признается в восхищении и одновременно в растерянности, которую вызывает у него роман: *«Концепция действительности в нем становится все более и более неясной, все оказывается не тем, чем видится»*¹². И все же в романе действительно воздается похвала правде, той, что явлена в музыке Баха (именно стихи из кантаты этого композитора, переведенные самим Теодором, дают название роману), в небе и море, в картине, которую мог бы написать именно Дардель, потому что в «Мадонне» словно сконцентрировался смысл лучших его работ.

Изменение облика Теодора и его подруги в системе значений романа — не обман, а воплощение сокровищ их души. Новая жизнь героев «Похвалы правде» — это *«форма существования, соединяющая искусство и жизнь, бытие, претворяющее в реальность высочайшее — чистое, неподдельное искусство, мир как композицию»*¹³. Море, небо обрамляют их любовь. *«Пейзаж выглядит как подлинное, от руки писанное маслом полотно... Птицы поют час вечером и час утром. Цветут вишни. И персики. А когда не цветут, на них зреют плоды»*¹⁴.

Христианская вера героя Линдгрена в романе не декларируется пафосно, писатель не боится подвергнуть ее даже комическому снижению, считая, что в литературе всегда должна присутствовать улыбка¹⁵. И все же именно религиозное чувство диктует последние строки произведения: *«Отчет подошел к концу, сейчас я соберу бумаги, и снова станут видны*

прадедовы замысловатые буквы. Собственно я мог бы ничего не писать, просто удовольствоваться посланием, которое он вырезал финским ножом. СЛАВА ТЕБЕ, ГОСПОДИ»¹⁶.

О христианстве в финале спрашивает Теодор преобразившего их с Паулой хирурга: «Что оно собственно значит для тебя?.. Объяснение получилось долгое и обстоятельное. Вкратце он сказал примерно вот что. Христианство выстроено из несчетного числа представлений, одно безумнее и нелепее другого, и если рассматривать их поочередно, не найдется ничего, во что можно верить. Но в совокупности эти представления создают абсолютно правдивый образ бытия»¹⁷. Это суждение может прояснить проблему взаимоотношения вымысла и реальности для Линдгрена. В его произведениях почти всегда узнаваемы и конкретны пейзажи, люди и их быт, однако сам писатель говорил, что не доверяет эмпирической реальности, ибо она не способна явить истину. Во многих интервью Линдгрэн выражает свою неприязнь к одностороннему мышлению, к упрощенной картине мира. Сам он использует иронию, парадоксальную повествовательную технику, чтобы показать жизнь с разных сторон.

Насколько «правдив» отчет Теодора Марклунда — вопрос несущественный для понимания его произведения. Оно о том, что необходимо обрести внутреннюю свободу и самому определять свою судьбу. Каким образом? На этот вопрос человек и должен искать ответ сам.

«Шведскость» — одно из очевидных качеств прозы Линдгрена, по общему мнению критиков. Она — в сдержанности и выразительности его письма, в преданности родной земле, ее простым людям, ее подлинной культуре.

Вместе с тем, вероятно, ценности, которые в «Похвале правды» защищает писатель, нельзя считать вполне типичными для шведов наших дней. Индивидуализм, склонность к одиночеству, слабая религиозность, о которых пишет как об основных качествах соотечественников Гиллис Герлитц в своей книге «Шведы. Какие мы, и почему мы такие, какие мы есть» (1991), — именно то, что герой Линдгрена переплавляет и изживает в себе.

Сейчас, почти двадцать лет спустя после написания романа, можно говорить о том, что Линдгрэн предвосхитил одно из направлений в общем развитии современной европейской литературы, которая после эры распада ценностей вновь стремится восстановить их, чтобы спасти человека и мир.

***

- ¹ *Линдгрэн Торгни*. Похвала правде. М., 2007. С. 147.
- ² Там же. С. 159.
- ³ *Бёртц Торун*. Литературный пейзаж Торгни Линдгрена. URL: www.sweden.se (дата обращения: 20 февраля 2009 года). С. 157.
- ⁴ *Линдгрэн Торгни*. Похвала правде. С. 54.
- ⁵ Там же. С. 55.
- ⁶ Там же. С. 59.
- ⁷ Там же. С. 60.
- ⁸ *Бёртц Торун*. Указ. соч. С. 2.
- ⁹ *Engström Therese*. Den överträdda gränsen. Om dikt och verklighet i Torgny Lindgrens romaner “Pölsan” och “Till sanningens lov”. Luleå, 2006. S. 33–34.
- ¹⁰ Ibid. S. 31–32.
- ¹¹ *Линдгрэн Торгни*. Путь змея на скале. М., 1991. (3, с.321
- ¹² *Corbett Bob*. In praise of truth .By Torgny Lindgren. Comments by Bob Corbett. URL: corbette@webster.edu. May, 2004. S. 3.
- ¹³ *Линдгрэн Торгни*. Похвала правде. С. 218.
- ¹⁴ *Бёртц Торун*. Указ. соч. С. 283.
- ¹⁵ Там же. С. 3.
- ¹⁶ *Линдгрэн Торгни*. Похвала правде. С. 284.
- ¹⁷ Там же. С. 280.